



Светлана Ланцова

КРАСИВОЕ СЕРДЦЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Светлана Ланцова

Красивое сердце

«Автор»

2026

Ланцова С.

Красивое сердце / С. Ланцова — «Автор», 2026

«Время линейно, как Вы считаете? А есть ли Безвременье — пространство Пустоты, которое никто и никогда не видел?» — спросил однажды некий старик. — «Пусть Вы не согласны, брат, но за звёздами есть иное царство — не Божье и не человеческое. Пётр Алексеевич верил мне. Я точно уверен, что моя жена пришла оттуда. Думаете, я сошёл с ума после её кончины? Отнюдь. Я всегда был таким».

© Ланцова С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Пролог-осьминог	6
Глава I. Стадное чувство	7

Светлана Ланцова

Красивое сердце

Предисловие

Это роман, основанный на жизни реально существовавшего когда-то человека. Автор долго сидела в библиотеке и читала всевозможные источники, чтобы сделать всё по красоте, но те детали, на которые не хватило сил, я назову «художественным допущением» и вы с этим согласитесь.

Я не историк, не археолог, не бандит и не солдат, я эксцентричный художник с богатой фантазией.

При проработке истории я опиралась на статьи Ефимова С. В., письма из опубликованного «Архива генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса» (С. В. Ефимов, Л. К. Маковская), «Календарь Брюса», находящийся в свободном доступе в Российской Государственной библиотеке, а также на следующих книгах: А. Толстой «Пётр Первый», А. Н. Филимон «Яков Брюс», Е. З. Баранов «Московские легенды», А. Лызлов «Скифская история».

В книге встречаются насильственные сцены, травматизация, сцены сексуального характера и фэнтезийно-магические теории на стыке физики и хатха-йоги, от которых у меня самой кипят мозги.

Приятного прочтения.

Пролог-осьминог

Он парил в бескрайнем космосе, где не видно ни конца ни края. Как на старой киноленте в голове проносились тысячи картинок: обрывистых, выцветших, ярких.

Раньше он чувствовал, что идет по времени, как по прямой дороге в один конец, а сейчас — словно стоит, и одновременно идёт сразу по множествам других таких дорог. Миг для него — мучение, сравнимое с пыткой, когда крысы пожирают ещё дышащее тело.

Кто он, где, как пришёл сюда и почему до сих пор идёт — его больше не волновало. Он не мог вместить в своей душе такой огромный поток информации.

В один момент он взревел. И время, как стеклянная витрина, начало трескаться во всех направлениях.

Всё, чего он теперь хотел — это хотя бы на миг вернуться назад. Туда, где всё было хорошо.

Глава I. Стадное чувство

Когда-то очень давно во времена царствования Алексея Михайловича 11 мая 1669 года по юлианскому календарю родился прелестный мальчик Яшенька. Он стал третьим ребёнком в семье шведского полковника на русской службе и такой же «русской немки».

У его родителей была довольно увлекательная история любви.

Вилим Брюс, подданный английской короны, а также потомок шотландских королей, переехал в Царство Русское за золотом и землями, которые даровались за хорошую военную службу. Он добился немалых успехов на своём поприще, но был вынужден уйти в отставку, получив серьёзное ранение.

Спустя пару лет Вилим встретился с пленительной и очаровательной вдовой полковника Инглиса, Элизабет.

— Сочувствую Вашей утрате, — говорил он, целуя руку даме в траурном платье.

— Благодарю, — молодая, белокурая женщина с длинными ресницами смотрела на него исподлобья, будто оценивая.

У Элизабет к тому времени уже был трёхлетний сын Андрей и приёмная дочь Елена, имевшая собственную семью с Николаем Ивановичем Балком. Но дети не остудили пыла страсти — вдова Инглис была молода, красива и имела уютный особняк на берегу реки.

Когда закончился траур по первому мужу, влюблённые сыграли свадьбу и родили троих детей одного за другим. Первой была дочка Елизавета, в честь мамы, вторым родился Роман, ну а третьим появился на свет Яков. К сожалению, семейное счастье продлилось не так долго, как хотелось бы. Из-за обильного кровотечения роженица скончалась вскоре после того, как смогла взять младшего сына на руки.

Вилим остался один с четырьмя детьми. Он их выходил, поставил на ноги, а потом может, годы взяли своё или старая рана дала о себе знать, но в 11 лет Яшенька остался сиротой.

Елена взяла детей под своё крыло и много помогала, в том числе и с тем, чтобы дети получили хорошее образование и выучили русский язык несмотря ни на что. Андрею Инглис к этому моменту уже было 15 лет и под протекцией родной сестры он поступил на службу в регулярный полк её мужа.

Никто этого не говорил, но все знали, что царь Фёдор III скоро умрёт, так как он был крайне болезненным мальчиком, и потому многие делали ставки на других наследников. Семейство Балк сделали на Петра Алексеевича. И оставались при своём даже когда все судачили, что царевна Софья ни за что не отдаст власть.

Через год после венчания на царство двух новых правителей, Елена отдала приёмных братьев в потешные войска.

Царь болтал со многими на учениях. В особенности интересно ему было вести разговоры с иноземцами, проживающими в Кукуе.

— Как звать?

— Яков Брюс, Ваше величество.

— Новенький верно? — Пётр отмахнулся от него с беззаботной улыбкой на лице, — Будь проще, оставь титулы для бояр, — И видно заметив, как Брюс несколько рассеянно и заворожённо глядел на стрельнувшую за их спинами пушку, добавил. — Нравится — изучай. Прок будет от твоей страсти.

— Так точно.

За время службы Брюсы успели поучаствовать в обоих Крымских походах и заработать неплохие деньги, а также получить собственные поместья. Ребята уже к тому времени полностью встали на ноги и с большой благодарностью покидали дом Елены Балк. Примерно в это

же время их сестра Елизавета вышла замуж за полковника Джона Трейтона и счастливо жила в новом доме.

Однако не всё было гладко.

— Указ пришёл. Стрельцы подняли бунт, царь требует отряды прибыть в Троицкий, — братец Роман вернулся в казармы весь запыхавшись, — Гордон созывает, поднимайся.

Яков, несколько щуплый, долговязый молодой человек, до этого спокойно читающий книгу, молча встал с места и последовал за братом.

Чисто по-человечески, Пётр Алексеевич нравился Якову гораздо больше, чем сварливая царевна Софья или молчаливый амёбный Иван V.

После успешного подавления бунта братья начали служить непосредственно Петру.

За эти годы Брюс пережил немало. У него появилось так много прозвищ, что он запросто мог бы сыграть ими в «Три в ряд»: Брюс-арифметчик, Птенец гнезда Петрова, Наследник рода шотландских королей, колдун с Сухаревской башни и это только малая часть.

— Премилостивый государь Яков Вилимович, а не промышляете ли Вы некромантией? Я слышал, у Вас в кабинете что-то ухало.

— А Вы как думаете? — хитро улыбался Яков, скрываясь за поворотом.

Брюс не подтверждал и не отрицал, забавляясь таким догадкам — отсюда и ворох слухов.

На старости лет он жил в своей подмосковной усадьбе в Глинки и занимался исследованиями. «Творил брюсовскую магию» — по слова крестьян, проживавших на его территории, а также приезжих гостей.

Уже чувствуя дыхание смерти на устах, Яков всё меньше времени проводил в лаборатории и всё чаще спал. Поговаривали, будто он сошёл с ума: бормотал себе под нос тарабарщину, предпочитая сидеть у окна, бесцельно наблюдая за небом.

— Чайку бы — его домашний халат был завязан небрежно, потому как его всё равно пришлось бы сменить перед сном. Однако волосы и ногти были ухоженными, будто бы Брюс пытался сохранить частичку былого величия. — Скоро присоединюсь к тебе, подожди ещё немного.

Ветер словно принёс ему желанный ответ, потому что старик вдруг закашлялся и ответил с улыбкой:

— Прости, я уже не могу

И этим же днём, 30 апреля 1735 года, его душа покинула тело ровно в полдень.

Некто с рогами и копытами, подобно сатиру из древнегреческих мифов, витал перед огромным стеллажом со множеством маленьких окошек. Эти окошки были размером с ладонь и походили на миниатюрные алтари для поклонения предкам.

В пространстве вне времени в подобных окошках находилась пустония, материя, переходящая из раза в раз в разные природные объекты. Будь то люди, деревья, птицы, бактерии или насекомые — пустония могла стать кем угодно и когда угодно. В пространстве Пустоты, относящейся к Млечному Пути, не было как такового понятия времени или пространства, оно существовало над всеми вместе взятыми. За исключением мелких астероидов с крошечными формами жизни, Земля была самой оживлённой планетой — потому что именно на ней пустония прижилась лучше всего.

Для существования пространству Пустоты было необходимо, чтобы пустония находилась в вечном круговороте — уходя, изменяясь, а затем возвращаясь назад и снова уходя. За тем, чтобы цикл был нерушим, следили Аспергиусы. Являясь на Землю от силы пару раз, они успели стать вдохновением для древних писателей, скульпторов и поэтов, и оставили свой след в качестве литературных персонажей под названием «сатиры».

В настоящий момент один из Аспергиусов, миниатюрный сатир с золотыми искрами, украшающими рога, проверял «точку входа» одной из ячеек. «Точкой входа» Аспергиусы

называли момент, в который пустония находилась на Земле, например, будучи человеком или животным. Сама по себе ячейка была как коробка с конфетами: внутри, как на золотистой пластиковой формочке, лежали красивые шоколадки, каждая на своём месте, и среди всех можно было выбрать любую, по порядку или в разную.

И конкретно в той точке входа, что он осматривал, была проблема.

— Кур-р-р ла ц-ц-ц-ц-ц?! (Что за чёрт?!!) — из горла Аспергиуса раздался утробный вой, когда он просунул морду в ячейку и попытался проглотить кружащуюся в ней фиолетовую воронку, напоминающую чёрную дыру.

Пустония не вернулась в пространство. Она осталась на Земле, кружась в бесконечном повторяющемся цикле, будто сошедший с тормозов поезд.

— И-ну-у Э-мэю э Я-я-ляю?! (Кошмар, когда это произошло?!)

На крик подлетел ещё один Аспергиус, но уже с чёрными искрами, обрамляющими рога:

— А-ам? (С ячейкой всё хорошо?)

Золотистый Аспергиус шикнул и, быстро спрятав ячейку за спиной, нервно пропел что-то в ответ:

— Хеее и-и-ийна! (Всё просто прекрасно!)

— Ууута-а-а (Отлично), — существо с чёрными искрами на рогах удовлетворительно кивнуло, после чего растворилось в дымке.

Оставшись один, золотистый Аспергиус медленно скатился в туманную расщелину, лихорадочно пытаясь понять, что же делать. Если бы у него были потовые железы, то сейчас он бы сидел весь мокрый.

— Э-э-эн мэ а (Есть же та ячейка) — он вдруг взлетел, взбудораженный своей идеей, и пулей метнулся к определённом месту. Пролетев сквозь темноту и беспросветные потоки времени, он оказался перед маленьким окошком, левитирующим перед ним как лепесток цветка. Внутри ячейки пустония билась мерно и степенно. Аспергиус засунул внутрь морду и выбрал ближайшую от фиолетовой воронки точку входа. Он тут же исчез, оставив после себя дождь из золотых искр.

Даниэла гордилась тем, что её имя звучало аристократично, и одновременно ненавидела за то, что все сокращали его как «Даня», «Нутела» или «Эля». Впрочем, никто уже давно не смел называть её глупыми прозвищами.

Она привлекала много внимания из-за своей внешности и темперамента, потому как выглядела словно хрупкий цветок на вершине горы, на который подуй — и он умрёт. Но стоило этим людям узнать, что под снегом на вершине, вообще-то, кладбище альпинистов, то становилось ясно, что живой цветок в таких условиях ещё более загадочен, чем существование Йети.

Даниэла довольно тихая и замкнутая. С детства замирала, глядя в одну точку, словно высматривая что-то. Оружие и ножи казались ей успокаивающими, а нападки хулиганов в родном городе — чем-то, не стоящим внимания.

Семья называла её сумасшедшей. Старший брат верил, что она живёт не по канонам божьим и постоянно отчитывал, младший — боялся, что если скажет ей лишнее слово, то завтра не проснётся, а младшая сестра просто следовала примеру остальных. Она была пока слишком маленькой, чтобы понимать хоть что-то и если раньше Даниэла общалась с ней, то после науськиваний старшего братца девочка стала её сторониться. Родители ничего не делали — главой дома был «Кирюша», и точка. А раз она не следует урокам правильного поведения, то дочь из неё плохая.

После переезда в большой город и поступления в институт семья разорвала с ней все связи. Будто то их нежелание иметь с ней дело или ещё что-то, Даниэлу это не волновало. Она считала, что ей дали достаточно и сожалеть о том, что уже произошло, не за чем.

Но это всё — дела минувших лет. Даниэла уже отучилась на историческом факультете в известном вузе страны и сейчас писала диссертацию на соискание докторской степени. Леонид Иванович посоветовал ей писать по теме личной жизни военачальников:

— Это довольно популярное направление для исследований сейчас. И разве вам, девушкам, не нравится копаться в чужой личной жизни?

Даниэла даже бровью не повела, продолжая рассматривать синхроничные рисунки на поверхности стола:

— Не нравится.

— Ладно, ладно, прости, Данечка, не хотел тебя задеть, я не это имел в виду. — Леонид Иванович закружился вокруг неё, словно курица-наседка. Всё же выпускница с красным дипломом, любимица преподавателей, в том числе и их завуча. — Просто тема то правда интересная Быт военачальников мало исследован, есть письма, какие-то очерки, но написано работ мало. Напишешь парочку статей. Разве не здорово?

— Эпоха не важна?

— Бери 16 — 18 век.

— Хорошо.

Даниэла наугад выбрала период правления Петра I, остановив свой выбор на одном человеке, любящем звёзды. Однажды, проезжая мимо станции «Сухаревская», она вышла наугад и подошла к старинной башне с часами Ага, конечно. Башни не было уже давно — снесли из-за того, что планировали строить там автомагистраль. Сейчас на месте башни стояла каменная Стелла архитектора Власова с надписью: «На этой площади находилась Сухаревская башня, в которой с 1701 по 1715 г размещались навигатские классы — первое светское учреждение, готовящее кадры для флота и государства».

Тюльпаны, тюльпаны, ещё тюльпаны, мемориальная стена Визбору — вот и всё, что было на этой площади. А башни — нет.

Даниэла шла по улице, смотря то на старинные фасады по обеим сторонам дороги, то на каменную кладь, и отчётливо чувствовала Что Москва совершенно другая. Не та, что была тогда. Откуда такое чувство — что ж, у многих бывает «жаме-вию» — ощущение, что вы уже видели что-то, чего на самом деле никогда не видели.

Но несмотря на первоначальное расстройство, интерес никуда не пропал. Легенды, окутывающие это строение в Петровские времена, её крайне привлекали. А, соответственно, и человек, из-за которого Сухаревскую башню окутало так много легенд. Да и материала по нему одновременно достаточно, и одновременно нет.

Пока она тупо стояла, пялясь на Шереметьевский особняк под другую сторону дороги, кто-то не преднамеренно толкнул её. Даниэла услышала поспешные извинения, но её мало это мало интересовало. Бросив вслед: «Не беспокойтесь», она направилась в обратный путь.

Прошёл сезон. Будучи на раскопках, Даниэла писала понемногу каждый раз, когда выдавалась свободная минутка.

Сидя на корточках под массивной каменной стеной, она листала интересные статьи, книги, выделяя ключевую информацию. Больше всего информации скопилось во времена Северной войны, а вот что было раньше и позже — сомнительно. Есть легенды, байки Баранова, да пара — тройка слухов. Сомнительно, но допустим. Если складывать зерно в башенку, то через год что-то да получится.

Собрав всё воедино, Даниэла часами проводила в библиотеке, штудировав книги, а также изучая те многочисленные источники в конце каждой из книг и статей про военачальника.

Информации было много, но менять она ничего не хотела. Если этот человек был недостоин таких усилий, то никто не был.

Яков Вилимович Брюс или Джеймс Дэниэл Брюс как он был более известен за границей. Один из величайших сподвижников Петра I, уважаемый генерал-фельдцейхмейстер и глава

Приказа Артиллерии. Ради интереса загрузив его портрет в нейросеть, она с удивлением осознала, что в молодости Брюс был очень даже красивым.

— Посмотреть бы, как ты выглядел на самом деле, — тыкнув в экран, она откинулась на спинку кресла, вздыхая, — Не могу же я включить эту картинку в диплом?

Умер Брюс бездетным, будучи всю жизнь верным одной женщине — Марфе Андреевне. Даниэла могла бы подумать, что это романтично, но про себя привыкла считать, что это вызвано лишь тем, что у него было недостаточно времени, чтобы проводить его с большим количеством куртизанок. Её старший брат Кирилл встречался с одной, но любил другую, успевая порицать третью, так что подобное мнение у Даниэлы было обо всех, пусть и великих, мужчинах. Не то чтобы они ей что-то сделали, просто её брат был слишком большим подонком.

Упорядочивая даты для сводной таблицы, Даниэла также заметила, что по юлианскому календарю Марфа Андреевна ушла из жизни 30 апреля 1728 года. Если пересчитывать на наше время, то получится 11 мая. День, когда Брюс родился. А сам Брюс умер 19 апреля по старому календарю, то есть 30 апреля по нашему. Путаница в датах огромна. Даниэла сразу почувствовала, что нашла себе развлекаловку на пару дней:

— Забавно. У них разница в датах смерти в 11 дней, что является временем разницы при переводе на новый календарь. Если считать, что Брюс умер по нашему, а Марфа — по юлианскому, то они умерли в один день. — улыбнувшись, она соединила несоединимое и была крайне счастлива, что получилось так красиво и складно.

Прочитав их письма, а также личные переписки со слугами, семьёй, Даниэла ещё больше увлеклась. Марфа Андреевна ей показалась довольно милой и дружелюбной женщиной, а Брюс, в свою очередь, саркастичным, умным и нагловатым.

— Однако же это официальные письма, кто бы стал расслабляться, зная, что их могут вскрыть в любой момент? — Даниэла задумчиво перелистывала присланные документы, — Верить или нет? Думали ли они настолько наперёд или нет? — затем она проверила время и смолкла, — Пора.

Выйдя в полдень, она взяла только телефон и ключи от комнаты в общежитии. Небо ещё было светлым, а ветер — прохладным.

Сегодня Даниэла посетила магазин похоронных украшений «Тянью». Когда она зашла в магазин, зазвенел колокольчик над дверью. У левой стены выстроилось девять могильных камней с разной гравировкой и разных размеров и форм, видимо, как примеры работ, а на них были чёрно-белые фотографии красивых женщин и мужчин. Даниэла из интереса всмотрелась и усмешкой отметила, что из слогов их имен получалась странная песенка: «Синий цепень в Кимикане режет чили как луну». Пока она смотрела на это, к ней подошёл продавец и поинтересовался, забрать ли она заказ или что-то приобрести. Даниэла достала бумажку с номером заказа и забрала именную венку, не полноразмерный, он должен стоять на могиле рядышком.

С посылкой она вышла на улицу и пока было не сильно морозно, решила прогуляться. Выйдя на рандомной станции метро, она долго шла по улицам, не глядя в карты, и в конце концов дошла до небольшого сквера возле Стеллы. Не то, чтобы она шла до неё специально, просто так вышло, что с определённой улицы она помнила дорогу. Пока пишешь о чём-то, мозг будет привлекать твоё внимание к тем вещам, на которых ты так сконцентрирована.

Теперь же Даниэла стояла, погружённая в одиночество посреди шумной улицы. Холод закрадывался в рукава и под подол пальто, но не достигал сердца. Даниэла была счастлива этой абсолютной тишине в ушах и даже не сразу поняла, в какой момент начала слышать колокольный звон. Тяжёлый, массивный колокол прозвонил три раза, а маленькие металлические язычки, будто безумные перепёлки, бились о стенки быстро-быстро, с каждой секундой ускоряясь. Сто, двести... триста. Они пробили ровно триста тридцать три раза, после чего окончательно стихли.

Даниэла почувствовала, что земля пропала из-под ног и она повисла кверху тормашками в белом пространстве, у которого нет выхода и входа. Пока она пребывала в трансе, её сердце пронзила острая боль, будто оно замерзло в вековом льду и тут же оттаяло.

Осколок, пронзающий её мозговые струны — последнее, что Даниэла запомнила.